Мог ли я когда-либо вообразить, что суждено мне в жизни совершить паломничество в Иерусалим, поклониться Гробу Спасителя! Недавно это случилось. В составе киногоруппы «Мастер и Маргарита», финансируемой компанией «ТАМП», я прибыл в Израиль, чтобы воплотить в этом фильме образ Иешуа Гануцри. Не стану описывать долгих переживаний, предшествовавших моему решению участвовать в этой картине. Известно в неоднозначном, преимущественно отрицательном отношении церкви к деятелям искусства, кинематографа, прикасающимся к Евангелию и образу Христа.

Впрочем, заметки эти вовсе не киноведческие, а скорее путевые.

Во все время странствий по Израилу у меня не было ощущения пребывания за границей. Всюду русская речь. И в самолете, выполняющем рейс Москва — Тель-Авив, заполненном русскоязычными пассажирами: дикторами центрального телевидения, бизнесменами, артистами и нашими бывшими гражданами, выравнившимися из своих отеческих гнезд в неизвестность. И в толкучке аэропорта Бен Гурион не покидало ощущение, что приземлился на знакомом одесском Привозе. Казалось, что все наши бывшие сограждане, с которыми мы встречались во время поездки, смотрят на нас, как на посланцев из их родных очагов, как на гонцов, которым снова вскоре суждено вернуться на нашу общую истерзанную Родину.

Первым, кого мы встретили на пороге отеля, был тоже наш «бывший» — уроженец Днепрпетровска Виктор, эмигрировавший с русской женой и шестилетней дочерью полтора года назад. Наше дружеское сближение произошло мгновенно: спустя полчаса, казалось, что мы были знакомы всегда. Виктор выказал феноменальное знание романа «Мастер и Маргарита», цитировал наизусть целые куски текста и сказал, что все бы отдал, чтобы принять участие в съемках и быть распятым подле Христа. Мы объяснили ему, что сценария распятия будут снимать не в Акко, а далеко отсюда, на Мертвом море. На что он сказал, что поехал бы туда за свой счет и что никаких вознаграждений за работу ему не нужно. Видя искреннее бескорыстие Виктора и его одержимость, я представил его режиссеру Юрию Каре, и он утвердил Виктора на эпизод одного из распятий на Голгофе разбойников.

Выдались два свободных дня, и я решил совершить путешествие в Иерусалим, ко Гробу Господню — получить благословение на предстоящую работу. Виктор вылезал сопровождать меня.

В Иерусалиме мы пересели в городской автобус и направились в гости к сестре Виктора. Сидящий передо мной сухощавый человек сорока пяти лет обернулся и, улыбнувшись, сказал:

- Спасибо вам.
- За что? — удивился я.
- За ваши роли...

Разговорились. Попутчик оказался родом из Ростова-на-Дону. Привез в Израиль больную жену. Получив в России два высших образования, здесь смог устроиться лишь подметальщиком муниципалитета и счастлив, что «еще так хорошо устроился».

— Не тянет назад? — спросил я его.

— Каждую ночь я вижу Ростов, — печально вздохнул человек и глаза его увлажнились. — Все тут чужое. Люди, язык, климат, культура... Точнее, отсутствие культуры... Эта экзотика... Все чужое.

Николай БУРЛЯЕВ

ИЕРУСАЛИМСКИЕ ВСТРЕЧИ

Мы застали сорокапятилетнюю Ларису в гостинице для русских «олмов», так называют в Израиле наших евреев-эмигрантов, в маленькой комнатке с умывальником в уголочке. Учительница музыки из Львова, она оставила на Родине мужа, четырехкомнатную квартиру, и с двумя сыновьями 18 и 15 лет уехала в Израиль. Здесь стала безработной. Живет на пособие и заработок старшего мальчика, служащего в итальянском ресторанчике. Младший сын учится в интернате. Голые стены дешевого номера, двуспальная кровать в центре небольшой комнатки, электроплитка, на которой Лариса приготовила нам поесть, пара высоких небольших окошечек с видом на крыши — все выглядело бедно, временно, неприглядно. Через месяц их попросят из этого трехсотдолларового номера. Где найдут они следующий приют, неизвестно.

Узнав, что в эту полночь у Гроба Господня должна состояться божественная литургия с участием архиепископа, руководителя греческой православной миссии в Иерусалиме, я сказал своим хозяевам, что непременно должен быть там. Понимая, что ради этого я проделал долгий путь до Иерусалима, меня вызвали сопроводить Виктор и бывший

Оснований у подобного недоверия предостаточно: «взбесившийся», грязный кинематограф конца XX века почти окончательно подорвал доверие к себе нормального человека. Однако кинематограф продолжает воздействовать на миллионы людей, а значит, борьба за него, хотя и не на равных, продолжается. Не скрою, что теперь, завершив работу, с волнением ожидаю итогов общих усилий создателей фильма: какую идейную направленность даст картине ее постановщик! Бог или Воланд, добро или зло повесят чаши весов кинорежиссеру «Мастера и Маргариты»!

москвич Геннадий, год назад покинувший Родину с русской женой и одиннадцатилетней дочерью. Девочка объявила родителям, что жизнь в Израиле для нее невозможна, умолила отправить ее в Россию к бабушке. Вчера Геннадий проводил свою дочь в Москву, и, как ни старался скрыть свою душевную печаль, видно было, что все его мысли далеки от этих знойных мест.

Храм Гроба Господня, построенный на месте распятия Христа, находится в арабской части города. Зная, что даже днем не каждый еврей отважи-

юных араба, словно снег на голову свалившихся на нас отсюда с верхней улицы. Они надвигались с громким пением, стремительно и вызывающе. Виктор и Геннадий, не желая излишне искушать судьбу, отошли в сторону с пути этой троицы-лавины. Я же застыл в центре перекрестка, понимая, что являюсь препятствием их свободному движению, но не желая отступать ни на шаг. С ревом, словно цунами, накатывались на меня три арабских богатыря, на ходу просчитывая ситуацию. Мгновение энергетического поединка — подсознательно возникший контакт. Как знать, может быть, именно мое «гордое» одинокое стояние и спало нас от серьезного эксцесса.

Поравнявшись со мною, не прерывая песни, один из юношей легкою, нежно отстранил мое плечо, мол, «уйди с дороги», и шестие унеслось вниз по улочке, пропало в ночи так же стремительно, как и возникло.

В полночь мы вошли в Храм главной святыни христианского

мира. Литургия еще не началась, шли приготовления. Редкое для этого святого места безлюдье: никого, кроме двух священников. Никто не препятствовал моему прохождению ко Гробу Господню, ничто не нарушило величие мгновенной свадниции со Спасителем. Узкий грот-пещера, тускло освещенная разноцветными лампадами. Христос, скорбно взирающий с иконы на каменную плиту-надгробие, ласково отполированное прикосновением миллионов рук, миллионов губ. На узком рушнике, покрывавшем надгробие, покоился Святой Хлеб, приготовленный к литургии. Священник пронес над моей головой и поставил подле Хлеба чашу со Святым Вином. Тишина, покой, вечность... Ощущение реального, воплощенного Бога-человека, некогда ступавшего, страдавшего, распятого на этой земле и вместе с тем надмирное величие содеянного Богом Истины... Мысли и чувства, посещающие паломника подле Гроба Спасителя, у каждого свои, индивидуальные, сокровенные. Не всегда ими возможно поделиться...

На литургии в огромном храме присутствовало шесть священников да шесть прихожан. Здесь же у Гроба Господня я был причащен и благословлен архиепископом на предстоящий мне труд.

Почти три недели странствовал я по городам и весам Святой земли. Множество старых приятелей пришлось повидать мне за это время, многое довелось осознать. Во-первых, то, что эта страна действительно существует: в ней люди встречаются, влюбляются, рожают детей, умирают, радуются и страдают. Во-вторых, в Израиле, преподносимом нашей массовой информацией как некий земной рай, землю «обетованную», вовсе не такой уж рай, а скорее, средоточие противоречий, подчас неразрешимых. Главное открытие, поразившее меня, заключается в том, что единого еврейского народа не существует. Как нет на земле «обетованной» и всеобщей еврейской гармонии. Напротив, я обнаружил множество совершенно непохожих друг на друга племен и народностей с разных концов земли, не только обособленных, но подчас враждующих и непримиримых. Вот — «русские евреи», а вот — совершенно непохожие на них «грузинские», «азербайджанские», «венгерские»... У каж-

дого клана свой язык, своя культура, свое «национальное самосознание». А вот — уж совсем иное племя — «марокканские евреи», откровенно заявляющие в лицо «русским»: «Как жаль, что всех вас не перебили». Внутренняя вражда, неприятие других культур, еврейский антисемитизм. Я не оговаривался. В России, которой внешне и доморощенные сионисты изо всех сил стараются искусственно приписать этот «грех», я не встречал такого антисемитизма, как в Израиле. Немало поразило меня мой спутник, еврей, который, увидя на улице Иерусалима группу хасидов, воскликнул: «Жиды! Пейсатге. Не навиху!» Впрочем, и о своих соотечественниках из России он отзывался не более лестно: «Торгаши! Ничего, кроме шекелей, знать не хотят!» Он так расплакался, что мне пришлось его урезонивать: мол, негоже быть таким антисемитом.

Второе открытие — покинувшие Россию сожалеют об оставленном Отечестве. Девять человек из десяти говорили мне одно и то же: «Здесь все чужое. Язык, люди, культура, дух... Я хочу на Родину. Скопите немного денег и вернись».

Лишь потеряв Родину, многие поняли, что Родина у них была. Была Россия, чьей землей, духом,

культурой они воспитаны. Все мысли их, все движения души — о покинутом Отечестве. Сколько драм и трагедий поведали мне эти люди! Сколько сломанных судеб, сколько слез, сколько печальных глаз видел я за дни пребывания в Израиле. Наш посол в Иерусалиме А. Бовин откровенно признался: «Консульство полно. 220 человек ежемесячно приходится отправлять назад, в Россию». Со смешанным чувством гордости и горечи наши эмигранты признавались: в Израиле их не только называют «русскими», но и относятся к ним, как к русским, то есть как к людям низшего сорта, как к гоям. Они откровенно говорили о том, что никакого антисемитизма в СССР, в России они никогда не ощущали, что это «сказка сионистов», что более веротерпимой страны в мире не существует, и о том, что им «стыдно за свой народ», за все содеянное их предками в России после 1917 года. Эти признания, звучавшие на улицах Иерусалима, в автобусе или за чашкой чая, при всем желании не назовешь «признаниями активистов общества «Память», которым целесообразно страдать честной народ. Это были признания простых евреев.

И родилось еще одно открытие: кроме уничтожаемого геноцидом, спаиваемого водкой и распинаемого русского народа, существует не менее несчастный еврейский народ: отторгнутый от родных очагов, обманутый лживыми устами сионистов, согнанный в чужие, оккупированные «богоизбранными властями» земли.

Повстречал я и старых приятелей арестов. И в их среде тоже — не только внешний но и внутренний разлад.

Те из них, кто и в России не блистал нравственной чистотой, и в Израиле «не отступились от лица». Те же, у кого тонкие, ранимые души, молча сливаются, мечтая о возвращении на московские подмостки.

Каждый из журналистов, приходивший взять интервью, напряженно вглядывался в меня и осторожно спрашивал: «Правда ли, что вы член общества «Память», шовинист и антисемит?» Отвечал им: ни к каким партиям и обществам я не принадлежу, иду своей дорогой и убежден, что, пока женщины рожают людей, плохих народов быть не может. У вопрошавших светлели лица, они облегченно вздыхали: «Ну мы так и думали. Кто же распускает эти слухи? Зачем?»

А об усилении приписываемого русскому народу «шовинизма» лучше, чем великий художник и мыслитель Н. К. Рерих, не скажешь:

«Счастье наше в том, что русский народ не шовинист. Он и беды переживает, ибо высоко его небо».

Иерусалим — Москва.